
«Эта система делает только будущих эзков»: проблематизация дискурса исправления бывшими заключенными

А.Н. КРАВЦОВА*, И.В. ЛИСОВСКАЯ**, И.Г. ЯСАВЕЕВ***

***Алёна Николаевна Кравцова** – младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, akravtcova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

****Ирина Викторовна Лисовская** – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, ilisovskaya.hse@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

*****Искэндэр Габдрахманович Ясавеев** – доктор социологических наук, старший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, yasaveyev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8370-0093>

Цитирование: Кравцова А.Н., Лисовская И.В., Ясавеев И.Г. (2022) «Эта система делает только будущих эзков»: проблематизация дискурса исправления бывшими заключенными // Мир России. Т. 31. № 4. С. 79–99. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-79-99

Аннотация

Основной декларируемой целью российского уголовного законодательства и системы наказаний является исправление осужденных. Большинство учреждений уголовно-исполнительной системы России называются исправительными, однако около двух третей заключенных в исправительных колониях приговорены к лишению свободы второй и более раз. В статье анализируются высказывания бывших заключенных о возможности исправления

Статья представляет некоторые данные проекта «В тени ГУЛАГа: производство, потребление и восприятие тюрем в бывшем Советском Союзе», финансируемого Британским Советом по экономическим и социальным исследованиям, грант ES/R005192/1. Ведущий институт проекта – Университет Стратклайда, Глазго. Ведущий исследователь – Лаура Пьячентини. В России исследование осуществлялось Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) под руководством Елены Омельченко.

Авторы признательны бывшим заключенным за их открытость и доверие, своим коллегам Юлии Епановой, Дмитрию Омельченко, Елене Омельченко, Лауре Пьячентини и Гэвину Слейду за координацию исследования и поддержку, которые сделали возможным написание этой статьи, а также за ценные замечания, касающиеся ее содержания. Отдельную признательность мы хотим выразить двум рецензентам за важные замечания и предложения, касающиеся текста статьи.

Статья поступила в редакцию в марте 2021 г.

в тюремных условиях. В фокусе внимания находятся лейтмотивы, метафоры и аргументы о воздействии лишения свободы. Бывшие заключенные говорят о практиках исправительных колоний, используя лейтмотивы «разрушения человека», «рабства», «превращения в роботов», «карательности». Еще одним лейтмотивом является «человеческое отношение», отсутствующее, по их утверждениям, в колониях, но безусловно необходимое для изменения человека. Бывшие заключенные рассказывают об избиениях, пытках, убийствах, использовании «пресс-хат», вымогательстве и указывают, что эти и другие действия руководства, сотрудников СИЗО и колоний, подконтрольных им «активистов» преступны и не способствуют исправлению. Высказывания бывших заключенных свидетельствуют о том, что в большинстве случаев тюрьма не способна изменить жизнь человека к лучшему, и указывают на необходимость отказа от дискурса исправления.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-исполнительная система, дискурс исправления, нарративы бывших заключенных, тюрьма, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН), Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ)

Введение

До настоящего времени одной из основных целей политики наказания, сформулированной в уголовном и уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации, является исправление осужденных. Названия основных учреждений уголовно-исполнительной системы России включают в себя слово «исправительный» – «исправительные колонии», «лечебно-исправительные учреждения», «исправительные центры». По данным Федеральной службы исполнения наказаний, к 1 января 2022 г. в российских исправительных колониях отбывали наказание 353210 чел.; при этом 61% заключенных (данные 2021 г.) были осужденными к лишению свободы второй и более раз [Статистические данные 2022]. Несмотря на значительное уменьшение за последние два десятилетия¹ численности заключенных, к началу 2022 г. Россия находилась на 13-м месте в мире по числу заключенных на 100 тыс. граждан, если не считать небольшие островные государства [The World Prison Brief: Highest to Lowest 2022].

Дискурс исправления присущ не только России, но и Казахстану, США, Китаю, европейским и другим странам. Исследователи власти выявляют его укорененность в системах наказания в XIX и XX вв. М. Фуко называет принцип исправления одним из фундаментальных принципов тюрьмы, которая с самого начала была «предприятием по изменению индивидов», формированию «покорного субъекта, индивида, подчиненного привычкам, правилам, приказам, власти» [Фуко 1999, с. 189]. Как утверждает С. Ролстон, нарратив исправления стал определяющей чертой пенитенциария XIX в., послевоенного реформатория и исправительного института XX в. в США. Словарь исправления имеет центральное

¹ В 2000 г. в России насчитывалось 1060440 заключенных, включая находящихся в следственных изоляторах (СИЗО), что составляло 729 заключенных на 100 тыс. граждан. К 1 января 2022 г. общее число заключенных сократилось до 465896 чел. – 322 на 100 тыс. граждан [The World Prison Brief: Russian Federation 2022; Статистические данные 2022]. Основным фактором, определяющим сокращение числа заключенных в России, предположительно является значительное и устойчивое уменьшение числа зарегистрированных преступлений с середины 2000-х до 2018 г. (о снижении преступности см.: [Щербакова 2020]).

значение для дискурсивного проекта американской тюрьмы, а сам дискурс исправления производится тюрьмой для легитимации собственного существования [Rolston 2011, pp. 105–106]. В Китае, как отмечает Э. Эпплбаум, система лагерей сосредоточена на жестком перевоспитании заключенных, их раскаянии и ритуальном самоуничтожении в рамках подчинения коммунистической партии [Эпплбаум 2006, с. 426–427]. В Казахстане, как сообщают наши информанты, заключенные должны в конце своего «доклада» сотрудникам колоний, включающего в себя имя, статью уголовного кодекса, срок и режим наказания, добавлять: «На путь исправления встал твердо», хотя понятие исправительной колонии после введения в 2014 г. нового уголовно-исполнительного кодекса официально не используется, колонии называются «учреждениями, исполняющими наказания».

Возможность исправления заключенных в тюрьме активно обсуждается и оспаривается криминологами с 1960-х гг. И. Анттила сформулировала эту критическую позицию следующим образом: «Существуют убедительные доказательства, что тюрьмы не имеют – и не могут иметь – никакого значительно исправительного эффекта за исключением отдельных очень редких случаев» [Анттила 2012, с. 99]. Однако понимание, что тюрьмы в большинстве случаев не исправляют тех, кто в них оказался, вызвало разнонаправленные изменения уголовной политики в различных странах: в США доктрина «ничто не работает» способствовала «репрессивному повороту» – сдвигу политики наказаний от реабилитации к карательности (см. подробнее: [Garland 2001]), большему использованию длительных тюремных сроков; в Финляндии, напротив, осознание неэффективности тюрьмы в отношении исправления заключенных стало основанием для значительного сокращения доли лишения свободы в структуре наказаний, уменьшения сроков тюремного заключения и, как следствие, значительного сокращения числа заключенных [Lannu-Сеппала 2012].

Криминологи критиковали идею исправления заключенных в тюрьме, опираясь на данные об уровне рецидивизма [Mathiesen 1974; Гилинский 2002]. Исследователи фиксируют, что значительная часть заключенных вскоре после освобождения вновь подвергается аресту, осуждается и возвращается в тюрьму. Литературоведы проблематизировали дискурс исправления, сосредоточившись на произведениях, написанных заключенными. С. Ролстон, изучавший литературное тюремное творчество, цитирует известного в США заключенного Дж. Эбботта: «Как бы я ни “создавал себя заново”, я никогда не выйду из тюрьмы, “став лучше, чем был”» [Rolston 2011, p. 114]. По мнению Дж. Эбботта, системы, определяющие жизнь заключенных, вызывают их физическую, психологическую и социальную дегенерацию.

Социологические исследования позволяют представить позицию заключенных в отношении исправления, сформулированную ими в ходе интервью. В книге о тюремном опыте женщин «До и после тюрьмы» одна из бывших заключенных описывает свой опыт следующим образом: «С первого дня, как только тебя арестовывают, <...> в отношении тебя все нарушают, вот все, что можно, что нельзя, и тебя же хотят заставить уважать закон. <...> Все понимают изначально, что никто никого не исправит. Что мы это понимаем, что они это понимают» [Омельченко 2012, с. 250–252].

Предложенная вниманию читателей статья продолжает изучение того, каким смыслом бывшие заключенные наделяют существующие практики наказания. Исследовательские интересы авторов статьи заключаются в следующих вопросах: как бывшие заключенные российских исправительных учреждений представляют

идею исправления? как они аргументируют возможность или невозможность исправления посредством тюрьмы? какие лейтмотивы и метафоры они используют в отношении действующей системы наказания? Понятие тюрьмы в этом исследовании определяется не в значении архитектурного сооружения, пространство которого разделено на камеры для заключенных, а шире – в качестве социального института лишения свободы. В этом смысле к тюрьме в России относятся следственные изоляторы (СИЗО), исправительные колонии, лечебно-исправительные учреждения и другие учреждения ФСИН.

В нашем исследовании мы использовали конструкционистский подход к социальным проблемам, фокусирующийся на дискурсивных процессах проблематизации и депроблематизации [Ибарра, Китсьюз 2007]. Социальные проблемы как смысловые конструкции, предполагающие необходимость изменений, создаются не только в публичной или медийной сфере посредством выступлений с требованиями, но и в ходе разговоров, к которым мы относим исследовательские интервью. Обращение к интервью как к одному из способов проблематизации происходящего может иметь особое значение в случае с бывшими заключенными, чьи голоса редко звучат в публичной сфере: в России они в большинстве случаев лишены голоса, являются, по определению Е. Омельченко, одной из «молчаливых и невидимых групп» (цит. по: [Романов, Ярская-Смирнова 2008, с. 84–85]).

Методология

Анализ высказываний заключенных о практиках наказания основывался на интервью с бывшими заключенными, проведенными с июля 2019-го по декабрь 2020 г. в Санкт-Петербурге, Томске, Москве и городах Республики Коми. Выбор городов был связан с задачами проекта «В тени ГУЛАГа: производство, потребление и восприятие тюрем в бывшем Советском Союзе» и определялся наличием мест памяти о репрессированных и музеев, экспозиция которых полностью или частично посвящена ГУЛАГу. Поиск бывших заключенных вначале осуществлялся с помощью правозащитных и благотворительных организаций. Вход в поле через такие организации мог привести к смещению исследования к тем бывшим заключенным, которые получали помощь от правозащитников и благотворительных фондов. Мы старались уменьшить такую вероятность посредством расширения круга интервьюируемых методом снежного кома.

В исследовании использовался метод лейтмотивного интервью, предполагающий сосредоточение на каком-либо аспекте жизни собеседника, в нашем случае опыте лишения свободы. В каждом из четырех мест исследования были проведены по десять интервью с бывшими заключенными². Мы взяли интервью у 19 женщин и 21 мужчины с различным по длительности опытом лишения свободы (от 2 до 30 лет), разным статусом в иерархии заключенных, отбывавших наказание в учреждениях разных типов: исправительных колониях (ИК) общего и строгого режимов, колониях-поселениях, СИЗО (хозотряд), больнице для осужденных. Возраст интервьюируемых – от 24 до 58 лет. Среднее время интервью – 129 минут. Значительная часть интервьюируемых отбывала наказание в уч-

² Интервьюеры – А.Н. Кравцова, И.В. Лисовская, Е.Л. Омельченко, И.Г. Ясавеев.

реждениях ФСИН в течение последнего десятилетия, включая тех, кто освободился за несколько месяцев до проведения интервью, но некоторые наши собеседники имели опыт пребывания как в советских воспитательно-трудовых и исправительно-трудовых колониях, так и в российских ИК 1990 – 2010-х гг.

При анализе интервью выделялись лейтмотивы и аргументы бывших заключенных, касающиеся исправления или его невозможности, их метафоры в отношении системы наказаний. Под лейтмотивами понимались регулярно встречающиеся значимые смысловые конструкции – «повторяющиеся тематические элементы и фигуры речи» [Ибарра, Китсьюз 2007, с. 93]; эти элементы фиксировались, если они неоднократно встречались в высказываниях различных собеседников.

Использование значительных фрагментов интервью в разделе о нарративах бывших заключенных связано со стремлением представить их отношение к «исправлению» таким образом, как оно было сформулировано, а также пониманием ценности их высказываний. Утверждения бывших заключенных основываются на многолетнем опыте пребывания в местах лишения свободы и наблюдениях за десятками, а иногда сотнями других заключенных. Этому разделу предшествует краткий исторический обзор официального дискурса исправления в России.

Дискурс исправления в России и СССР

В России исправление стало определяться в качестве цели наказания начиная с екатерининского «Наказа» [Екатерина II 1767]. В 1845 г. Уложение о наказаниях, утвержденное Николаем I, ввело исправительное наказание в противовес уголовному. Одним из исправительных наказаний в соответствии с Уложением были «работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства» [Уложение о наказаниях 1845]. В Новом уголовном уложении 1903 г. среди наказаний, определяемых за преступные деяния наряду со смертной казнью, каторгой, ссылкой на поселение, заключением в крепости, заключением в тюрьме, арестом и денежной пеней, стало заключение в «исправительном доме» [Новое уголовное уложение 1903, с. 12].

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона используется понятие «тюремно-исправительный режим», отмечается значение тюрьмы как меры не только репрессивной, но и исправительной, а главная цель тюрьмы сформулирована как «социализация преступника» [Губский, Давыдов 1902, с. 355]. Однако авторы статьи «Тюрьма» указывали, что тюрьмы не достигали этой цели, и подчеркивали расхождение между задачей исправления и фактическим положением дел [Губский, Давыдов 1902, с. 360].

После 1917 г. дискурс исправления был переформулирован в соответствии с марксистской идеей, состоящей в том, что единственным средством исправления уголовных преступников является производительный труд [Маркс 1961, с. 31]. В феврале 1919 г. Ф. Дзержинский предложил сохранить концентрационные лагеря для использования труда арестованных и создать «школы труда» [Эннлбаум 2006, с. 44]. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), принятая в марте 1919 г., предусматривала замену лишения свободы обязательным трудом, а тюрем – воспитательными учреждениями [РКП(б) 1959, с. 400]. В 1924 г. вступил в силу Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, согласно которому испра-

вительно-трудовые учреждения создавались для адаптации преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия в совокупности с лишением свободы и для предотвращения совершения преступлений в дальнейшем.

В конце 1920-х гг. в СССР в дискурсе исправления появился новый термин «перековка», который впервые был использован в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) [*Солженицын* 1991, с. 59]. «Перековкой» называлась одна из лагерных газет, «орган управления Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей», издававшаяся в 1930–1931 гг. Название объяснялось стремлением «переплавить, перековать в трудовой кузнице лагерей временно оторвавшихся граждан великой семьи трудящихся» [«Перековка»: от редакции 1930].

Слово «перековка» широко распространилось в период строительства Беломорканала (1931–1933 гг.) и канала Москва – Волга (1932–1937 гг.): под этим названием выходили газеты Белбалтлага и Дмитлага. Этот термин вместе со словом «исправление» стал лейтмотивом книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина»³, в аннотации к которой утверждалось, что книга представляет собой «яркие примеры исправительно-трудовой политики советской власти, перековывающей тысячи социально-опасных людей в сознательных строителей социализма» [*Горький, Авербах, Фирин* 1934, с. 8]. В работе десятки раз используются слова «перекованный» и «перекованный», а одна из основных идей сформулирована так: «Советская власть не карает, а исправляет» [*Горький, Авербах, Фирин* 1934, с. 234]. Э. Эпплбаум отмечает впечатляющий контраст между риторикой этой книги и «хладнокровной безжалостностью экономических планов ОГПУ», касающихся лагерей [*Эпплбаум* 2006, с. 94].

Е. Добренко утверждает, что дискурс перековки стал «советской версией маскирующих дискурсов, всегда и всюду обслуживающих пенитенциарные системы. Ключевым в системе замененных дискурсивных процедур, направленных на сокрытие сущности лагеря, является “реабилитационный дискурс” – лагерь презентуется в качестве институции по реабилитации преступников, а сама эта реабилитация мыслится в категориях едва ли не медицинского их излечения» [*Добренко* 2001, с. 679]. Он пишет о произошедшем во второй половине 1930-х гг. смещении идеи «перековки» из политического дискурса в художественный [*Добренко* 2001, с. 668]. Э. Эпплбаум указывает, что пропаганда перевоспитания преступников прекратилась во второй половине 1930-х гг., когда заключенные стали «врагами народа», однако с 1939 г. «язык “перековки” снова стали брать на вооружение» [*Эпплбаум* 2006, с. 229].

Произведения Е.С. Гинзбург, Е.А. Керсновской, А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и других заключенных ГУЛАГа демонстрируют полную противоположность практик исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) смыслу перевоспитания и перековки. В этих работах ИТЛ называются «истребительно-трудовыми» [*Солженицын* 1991, с. 5], «мясорубкой» [*Гинзбург* 1990, с. 378], местом растления человеческих душ [*Керсновская* 2019, с. 425], «отрицательной школой жизни целиком и полностью» [*Шаламов* 2009, с. 185], «лагерьями уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцимом без печей» [*Шаламов* 1989, с. 519].

Кроме исправительно-трудовых и особых лагерей, в системе ГУЛАГа существовали исправительно-трудовые колонии (ИТК). Основное различие между ними

³ Коллективная монография 36 советских писателей под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирин [*Горький, Авербах, Фирин* 1934].

заклучалось в том, что в ИТК помещались осужденные на менее длительные сроки (до трех лет). Особлаги были упразднены в 1954 г. после смерти И. Сталина и восстаний заключенных, а во второй половине 1950-х гг. исправительно-трудовые лагеря были реорганизованы в исправительно-трудовые колонии, которые подразделялись на ИТК общего, усиленного, строгого и особого режимов. Официальное название «исправительно-трудовая колония» использовалось не только в СССР, но и в Российской Федерации до 1997 г., а с 1997 г. основные учреждения уголовно-исполнительной системы России стали называться исправительными колониями (ИК).

Правительство России и Федеральная служба исполнения наказаний продолжают активно использовать дискурс исправления. В Федеральной программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» утверждается: «Обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства, способствует их исправлению, ресоциализации и правопослушному поведению в период отбывания наказания, а также создает предпосылки для успешной адаптации в обществе после освобождения» [Федеральная целевая программа 2018]. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ, действующем с 1997 г., исправление осужденных определяется как «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения», а к основным средствам исправления осужденных отнесены «установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие» (статья 9).

В ежегодных докладах ФСИН о результатах и основных направлениях деятельности используются понятия «исправление», «исправительный процесс», «гуманитарно-воспитательное воздействие», а также «физическое и духовное оздоровление» и «духовно-нравственное и патриотическое воспитание осужденных» [Доклад о результатах и основных направлениях 2014; Доклад о результатах и основных направлениях 2015]. Ключевое понятие, которым оперирует ФСИН, – ресоциализация осужденных, однако единственным из индикаторов достижения стратегических целей ФСИН, имеющим какое-либо отношение к исправлению или ресоциализации заключенных, является «доля осужденных, освободившихся из мест лишения свободы без профессии» [Доклад о результатах и основных направлениях 2014, с. 19; Доклад о результатах и основных направлениях 2015, с. 9], и ФСИН регулярно отчитывается о ее снижении. Остальные целевые индикаторы касаются условий содержания, числа побегов и пр., но среди них отсутствует обозначение уровня рецидивизма после освобождения. Между тем ФСИН неоднократно заявляла о «необходимости преобразования УИС (уголовно-исполнительная система – *прим. авторов*) в реабилитационную систему, способствующую физическому и духовному оздоровлению осужденных, приобретению необходимой профессии и образования, возвращению обществу законопослушных и дееспособных граждан» [Доклад о результатах и основных направлениях 2010, с. 6].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 г., утвержденная правительством в 2021 г., также сформулирована в терминологии дискурса исправления. Исправление осужденных, а также их ресоциализация и социальная адаптация представлены как основная цель уголовно-исполнительного

законодательства [Концепция развития уголовно-исполнительной системы 2021], но при этом концепция не предполагает развития вариантов исправления, альтернативных тюрьме. Принудительные работы осужденных при нахождении в исправительных центрах, развитие и распространение которых предполагается концепцией, остаются трудом в условиях лишения свободы.

Исследователи тюрьмы Л. Пьячентини и Г. Слейд утверждают, что лишение свободы как наказание широко применяется в России и ряде других постсоветских стран, поскольку тюрьма по-прежнему представляет собой гораздо более емкое понятие социально и экономически полезной коммуны, что является наследием советского карательного коллективизма [*Piacentini, Slade* 2015, p. 194]. Понятие «коммуна» высвечивает сохраняющуюся отрядную организацию проживания и работы заключенных. Дискурс исправления соответствует такому пониманию тюрьмы как полезной коммуны.

Лейтмотивы высказываний бывших заключенных об исправлении в российских колониях

Бывшие заключенные в интервью неоднократно касались идеи исправления. Не все их высказывания были негативными в отношении воздействия тюрьмы. В некоторых случаях наши собеседники говорили о сохранении жизни благодаря заключению; одна из бывших заключенных утверждала, что лишение свободы сберегло ей жизнь и избавило от наркотической зависимости:

«Если бы я туда не попала, меня бы сейчас не было просто. Я бы сейчас просто мертвая была бы. И для меня это спасение было реально. <...> Потому что я просто, ну, скалывалась, я совсем себя убивала» (жен., 33 г., Москва⁴).

По словам другой бывшей заключенной, жестокий опыт в колонии привел ее к Богу и изменению личности:

«Несмотря на то, что это такая жесть жестяная, я очень-очень-очень, конечно, благодарна моей судьбе, что это все было. То есть в каком-то смысле это была печка, в которой Бог из меня что-то сделал, вылепил и поставил на обжиг. <...> Мне было очень плохо, и из-за этого какие-то изменения личности произошли. То есть меня реально исправительная колония меня исправил. Хотя это, конечно, Господь» (жен., 42 г., Санкт-Петербург).

Однако подавляющее большинство наших информантов отрицают исправительное воздействие тюрьмы:

⁴ После цитирования интервью указываются гендер, возраст и место проведения интервью. В случае совпадения этих данных после возраста в скобках указывается порядковый номер информантов с совпадающими данными.

«Тюрьма - она вот такая, она не исправляет» (муж., 58 л., Москва).

«Эта система делает только будущих эков» (муж., 33 г., Республика Коми).

«Человек там просто деградирует» (муж., 39 л., Республика Коми).

Бывшие заключенные говорят о лишении свободы преимущественно как о каре или мести со стороны государства, хотя в некоторых случаях справедливой: *«я заслуживал, оно и карало» (муж., 47 л., Санкт-Петербург).*

«Вообще у нас система, по существу, не исправительная, она карательная.

<...> А исправительная – это так уж, для народа называется» (муж., 43 г., Томск).

«Это далеко, наверное, от системы какой-то перевоспитания, это просто какая-то месть человеческому роду за что-то, не знаю, какая-то такая жестокая система.

Вообще не вижу исправления на самом деле. В колонии это вот количество срока <...> много его или мало, как-то на исправление чтобы оно влияло, я никогда этого не замечал» (муж., 24 г., Москва).

Возвращение обществу дееспособных граждан, о котором заявляет ФСИН как об одной из своих целей, предполагает самостоятельность, активность и ответственность освобождающихся. Однако заключенные, отбывавшие наказание в различных колониях, сходятся во мнении, что тюрьма формирует в людях пассивность, отучает думать, принимать решения и отвечать за них, то есть способствует потере тех качеств, которые необходимы в жизни на свободе:

«По звонку живут, ГУЛАГ живет по звонку. Звонок прозвенел – подъем, звонок прозвенел – зарядка, звонок прозвенел – завтрак. <...> Прозвенел звонок, он сворачивается, чистит машинку и идет строем на вывод, на съем с работы, в жилую зону. Понимаете, это выработка условных инстинктов, эта система лишает людей самостоятельного мышления. Человек привыкает: за него подумают. За него все расписали – зачем ему? И когда он выходит на свободу, где твоё благополучие и вообще то, что ты покушаешь, зависят конкретно только от тебя, он сталкивается со сложностями, ему нужно перестроиться. Кто-то может, а кто-то нет. <...> Делают роботов, делают зомби» (муж., 52 г., Москва).

«Помню, как она [начальник колонии – прим. авторов] сказала: “Вот это станет укладом вашей жизни!” То есть вы привыкнете к такому режиму и работе, то есть она свято верила в уклад жизни, она совершенно не понимала, что это превращает людей в роботов, которые, выйдя, неспособны за себя что-то решать. <...> Работать, шить-шить-шить, домой, шить, домой, шить. Все!» (жен., 54 г., Москва).

«Это, конечно, атрофирует волю людей полностью, и вообще очень тяжело выходить, особенно тем, кто до этого в жизни не был особенно устроен, не умеет принимать решения сам, не умеет как-то найти себе занятие. Там просто за человека все думается. <...> Полностью отсыхают все эти органы, просто перестают работать» (жен., 42 г., Санкт-Петербург).

Кроме сравнений с роботами, некоторые респонденты сравнивали заключенных с рабами, а начальников колоний – с рабовладельцами. Информанты говорили о бесправии заключенных и невозможности отказаться от неправомερных процедур, навязываемых администрацией колонии, в частности от использования детектора лжи. Официальный тюремный режим, основанный на правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, уничтожает индивидуальность: в частности, заключенным-женщинам не позволено привносить даже простейшие элементы личной повседневности в свою жизнь (цветы на окнах, картинки, использование домашних пижам).

Бывшие заключенные, рассуждая о причинах высокого уровня рецидивизма, говорили о необходимых условиях для изменения жизни тех, кто оказался в заключении:

«Если, к примеру, сегодня 80% возвращается на свой прежний путь, то по той причине, что, так сказать, им не показывают другую жизнь» (муж., 40 л. (1), Томск).

Для изменения необходимо, по словам наших собеседников, «человеческое отношение», под которым они подразумевают уважительное отношение к себе, коммуникацию с ними со стороны администрации.

«Для того, чтобы это было исправление, это нужно, в первую очередь, человеческое отношение, а о каком человеческом отношении может вообще идти речь?» (жен., 47 л., Москва). «Не исправляет система, там исправлять нечему. Исправляют, я говорю, книги и социум. Я в “черном” лагере был, там, где еще воровские понятия есть. Есть мусорские “красные” лагеря, как Карелия, Киров. Там все по уставу, по укладу, грубо говоря. Я не знаю, как там вообще, есть ли там исправление какое-то, но что агрессия есть – это 100%. То есть она откуда, в первую очередь, берется? В первую очередь – из-за отношения к тебе. То есть к тебе относятся как к скотине, к тебе относятся как к скоту» (муж., 33 г., Республика Коми).

«У нас здесь эти навыки утрачиваются, потому что вся наша система заточена на то, чтобы человека сломать. Как оно было тогда [во времена ГУЛАГа – прим. авторов], так оно и осталось, только чтобы тебя сломать. Ты там не человек, с тобой там не разговаривают» (жен., 52 г., Москва).

«Они, что, со мной будут разговаривать, со мной? Я осужденная. Я не имею вообще никакого права голоса» (жен., 36 л., Республика Коми).

Наши информанты рассказывали о редких случаях хорошего отношения к заключенным со стороны сотрудников колонии, но это представлялось ими как что-то исключительное и вызывающее санкции со стороны администрации:

«Она постоянно говорила: “Бедные мои девочки...” Хорошая женщина, у нее своих деток не было, и она вот с нами <...> Такая маленькая, [ФИО]. Фамилию вот помню.

Мужа устроила, потом он стал воспитателем. И их гнобили за то, что он тоже помогал. А она просто не отрядница, а конвой, который водил нас в столовую, который водил на запретку, когда мы убирались. Она всегда была с нами, такая хорошая женщина. Ну и ей, конечно, постоянно выговаривали то, что она помогла таким, кто не “греется”, могла сигареты там принести, краску подкинуть для волос, чего нельзя, конфет. Она всегда с нами разговаривала, что тоже запрещено практически. А она улыбалась и говорила: “Мне по барабану, вы и так тут”, – говорит, – “всего лишены”» (жен., 35 л., Республика Коми).

Действия администрации СИЗО и колоний представляются бывшими заключенными как антипод «человеческого отношения»: «Ты там никто, ты – пыль» (муж., 49 л., Республика Коми); «Отношение, конечно, <...> было скотское» (жен., 35 л., Республика Коми). Наша собеседница привела слова начальника колонии для заключенных женщин, больных туберкулезом (срок отбывался в середине 2010-х гг. в колонии в Приволжском федеральном округе):

«Конечно, уничтожали людей, прям уничтожали. Нам начальник колонии так говорил: “Мне вот ссанный матрас тяжелее списать, чем кого-то из вас. Тяжелее. Я больше буду бумаг на ссанный матрас заполнять, чем на вас. У меня, – говорит, – 50 процентов допуск смертности среди вашего контингента”. Спецконтингент – туберкулез. <...> “Мне, – говорит, – любую из вас списать вообще нетрудно, никто копать не будет. Вот любую, – говорит, – из вас”. Поэтому там все и понимали, что там на самом деле. <...> Весь срок в страхе» (жен., 43 г., Республика Коми).

В интервью объяснялось, что в случае неповиновения администрации или конфликта с ней заключенных могли перевести в закрытый отряд, где находились большие с открытой формой туберкулеза.

Один из наших собеседников рассказал, как в колонии, в которой он находился в конце 2000-х гг., заместитель начальника ИК предложил «опустить» – перевести в низшую касту – нескольких заключенных потому, что из этой колонии в другую перевели «второходов», включая тех, кто убирался в туалетах, и в них стало некому убираться:

«Я помню, я как раз был смотрящий за колонией, меня вызывает зам. <...> Хозяина не было, был зам, и он мне говорит: “Ну что [прозвище], давай, надо что-то решать, туалеты [деревянные уличные с выгребной ямой – прим. авторов] у нас полные, короче”. Я говорю: “Что?”. “Ну что, – говорит, – сделайте пару-тройку “петухов”, ну, из среды своей”» (муж., 39 л., Республика Коми).

Бывшие заключенные неоднократно рассказывали о случаях избиения, пыток и убийств заключенных в СИЗО и колониях, в том числе в «пресс-хатах».

Эти действия совершались как сотрудниками исправительных учреждений, так и «активистами» («красными»), сотрудничающими с администрацией:

«При мне [в колонии в Сибирском федеральном округе (СФО) – прим. авторов] было много случаев, когда убивали молодых пацанов; выбивают признания. Признания на явки выбивали на следственном изоляторе. <...> Я знаю, что там были и смертельные исходы. Очень все жестко было, пытали до смерти молодых пацанов. Просто заезжает парень, ему дают арест по подозрению два месяца. И в эти два месяца его сажают в “пресс-хату” и там пытаются до того, что он готов признаться во всем. Ну, так и происходило. Так много преступлений “раскрыто”, так сказать, в кавычках» (муж., 43 г., Томск).

«Сотрудники ФСИНа [колония в СФО – прим. авторов] используют эту зону, вешают там людей, поскольку камера, там не видно, хоп, повесили и все: вроде как повесился сам. <...> Если, ну образно говоря, допустим, человеку какие-то говорят то-то сделать, мыть, кричать что-то, а он не хочет это кричать. Ну не то, что не хочет: “Не хочу просто, не буду, не мое это”. Все, его бьют-бьют, ну, думают, как обычно, побьют, сдастся, будет кричать, а он не сдастся. И все, он начинает резаться или еще что-нибудь, ну и все, они в итоге смотрят, что он весь синий и не сдастся все равно, а что-то надо с ним делать. Они хоп! его – повесили и все: повесился, мол, сам из-за того, что срока много. Тут еще взяли и подговорили сокамерников: “У вас же УДО [условно-досрочное освобождение – прим. авторов] скоро, мы вам все сделаем, напишите, что он говорил о суициде”. Они, хоп! написали и все, документы собрали, действительно, несчастный случай. Вот и все, суицид. Все здорово, дело закрыли, в архив закинули. Вот как они работают. Все нормально. Это я конкретно о [колонии в СФО – прим. авторов], так они работают, просят, и меня тоже просили. Я не писал, говорю: “Я ничего не слышал”» (муж., 34 г., Санкт-Петербург).

Этот бывший заключенный сообщил о десятках случаев убийств в одной из сибирских колоний особого режима и о несовместимости исправления заключенных и преступлений сотрудников колоний: *«Подход-то особенный, то есть здесь людей нет, все. Я вообще понять не могу, как они могут исправлять, если они такие же по сути преступники» (муж., 34 г., Санкт-Петербург).* Вопрос – как возможно «исправление», то есть превращение в законопослушных граждан, по версии ФСИН, в условиях, когда сами сотрудники СИЗО и колоний совершают преступления, – в тех или иных вариантах формулировался несколькими нашими собеседниками.

Респонденты неоднократно рассказывали о неоказании в СИЗО и колониях медицинской помощи как в случае хронических заболеваний, так и в экстренных случаях, что соответствует определению пыток, лежащему в основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Конвенция против пыток 1984]:

«Самое страшное там – это медицинская часть, это отдельное государство. Медицинская часть не подчиняется начальнику колонии. Они делают что хотят, люди умирают. <...> Прямо вот такие ситуации были, что они людей до МОБа не довозили [МОБ – областная больница УФСИН, в прошлом называлась межобластной – прим. авторов].

Люди падали и умирали. За последние полгода двое, что ли, у нас умерли. Именно это халатность медсанчасти. Женщина ходила на работу с пневмонией, то есть у нее была температура под 40. Она отстояла безумные эти очереди, получила одну-единственную таблетку парацетамола, а у нее, оказывается, пневмония была, и была она у нее уже в запущенной форме. И ей пришлось идти на работу, в итоге она умерла. Одна с кровотечением, значит: у нее кровотечение месяц, а они ее на МОБ не отправляют. У них там какая-то проблема с согласованием этапа» (жен., 39 л., Санкт-Петербург). «Например, я со своей болячкой, у меня в [колония в Северо-Западном федеральном округе – прим. авторов] с двух сторон были флюсы, и меня стоматолог не брал, а у меня заплыл рот, и я не спала. 25 человек не спали в моей комнате, потому что я выла просто на спине, вот такие флюсы, выла как хомяк. И не спать, и не есть – ничего. Как бы я иду к стоматологу – меня выгоняют из кабинета, и пока я в прокуратуру не написала жалобу на нашу больницу и доктора. Только вот таким образом» (жен., 38 л., Санкт-Петербург).

Наши информанты свидетельствовали, что администрация российских СИЗО и колоний совершает действия, соответствующие определению пыток, для достижения своих целей. Один из наших собеседников подробно описал, каким образом посредством пыточных условий его заставили передать свой бизнес родственнику регионального руководителя одного из силовых ведомств. Документы о передаче собственности подписывались в присутствии нотариуса в кабинете начальника изолятора временного содержания (ИВС). До этого, поскольку предприниматель отказывался, ему был устроен «колесный режим»:

«Доехал до одного места, ночью тебя привезли, под утро подняли, только упал, тут же будят: поехали обратно. ИВС – СИЗО, да-да-да, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Лето, жара, пекло невозможное, “столыпин” раскаленный, “воронки” раскаленные, мокрый, за каждую поездку килограмм-полтора теряешь веса, водой выходит, выдавливают, как скелет, уже еле двигаешься, еле ходишь, а тебя катают- катают-катают, давят на тебя, выдавливают, выкатывают из тебя свой интерес» (муж., 51 г., Москва).

Еще один вид пыток – травля хлоркой в камерах штрафного изолятора (ШИЗО) – описывается следующим образом:

«Там был еще такой момент, как травление хлоркой: открывается кормушка, то есть окно, через которое подают пищу, вливается банка – вода с хлоркой, она разливается по полу. Суть в том, что, если ты в течение 10–15 минут не успеваешь убирать ее, а ты практически не успеваешь ее убирать, испарения этой хлорки начинают выделяться, ты начинаешь дышать хлоркой. Все, ты забиваешься в любую дырку, лишь бы не дышать, потому что легкие начинаешь выплевывать. <...> Сколько ты выдержишь, если, например, неделю ты сидишь в ШИЗО, и тебе каждый день будут заливать по литру хлорки? Ну сколько у тебя там выдержат легкие? Ты выходишь оттуда инвалидом» (муж., 41 г., Республика Коми).

Практики пыток, о которых говорили респонденты, противоречат самой идее исправления, включая понимание исправления со стороны ФСИН как «физического и духовного оздоровления» и «возвращения обществу дееспособных граждан», поскольку пытки разрушают человеческие личность и тело.

Следует отметить, что бывшие заключенные пытаются найти смысл в существующей системе наказаний и видят его в каре за преступления и в производстве статистики, необходимой силовым ведомствам для отчетности:

«Какая-то вот такая мысль наводит о видимости борьбы с преступлениями, что просто какая-то статистика делается, и люди попадают» (муж., 24 г., Москва).

В ответах на вопрос о влиянии заключения несколько раз упоминалось озлобление в тюремных условиях:

«Интервьюер: На Ваш взгляд, как на Вас повлияло заключение?»

Информант: Оно меня только обозлило, делало хитрее, матёрей. <...> Такой мозг у тебя изодранный оттуда» (жен., 41 г., Томск).

«Интервьюер: Хотел спросить в целом про отношение к этой системе [СИЗО и колониям – прим. авторов]. На Ваш взгляд, как она влияет на людей?»

Информант: Ломает. Она ломает. Она не исправляет, она только ломает. Даже я, в принципе, вроде бы, устоял; да, но у меня отношение к жизни поменялось. Я вышел, я волчара был, конечно. Может быть, я снова сел бы, если бы не попал в ребцентр [реабилитационный центр – прим. авторов]. <...> В центр попал, к Богу обратился, вот это сдерживает, как бы приоритеты поменялись. А если бы не поменялись, то я бы сидел уже сколько. Тюрма не исправляет. Она на бумаге только исправительная система, а там – только ломка людей. Там люди – это просто дешевое сырье» (муж., 49 л., Республика Коми).

Одна из наших собеседниц отметила, что озлобление у заключенных может возникнуть уже спустя два года:

«У женщин, по крайней мере, ну полтора года, – это прям самое то, что надо. То есть два – это уже лишнее, то есть они уже озлобляются. И как-то в принципе у пацанов моих тоже, я по брату сужу: у меня брат сидел. Вот как-то три года ему дали, это был лишний год» (жен., 33 г., Москва).

Бывшие заключенные говорили также о привыкании к тюрьме в случае длительных сроков:

«До этого как-то охота было домой, мысли какие-то, а потом пять лет прошло, мне вообще уже все равно, сижу – срок идет. Ну, короче сильно уже не переживал, а по началу я прям понимал, что это не мое» (муж., 40 л. (2), Томск).

Наши собеседники не только рассуждали о неосуществимости исправления в тюремных условиях, но и предлагали альтернативы действующей системе наказания. Их предложения по изменению системы наказаний включают в себя: (1) дифференциацию тюрем и колоний на муниципальный, региональный и федеральный уровни и финансирование их из бюджетов муниципалитетов, субъектов Федерации, из федерального бюджета, чтобы исключить неразборчивое и безответственное использование лишения свободы; (2) создание отдельной системы наказаний для несовершеннолетних; (3) значительно большее использование домашнего ареста на досудебной стадии вместо заключения в СИЗО; (4) сокращение сроков заключения в колонии; (5) переход от отрядной организации колоний к камерной (тюремной); (6) замену значительной части учреждений закрытого типа открытыми, поскольку подавляющее большинство заключенных не опасно для окружающих и не стремится к побегу.

Бывшие заключенные говорили о сходстве между современными колониями и ГУЛАГом, который для определенного числа заключенных не представляется частью истории: его черты они различают в ныне существующей уголовно-исполнительной системе: неограниченную власть администрации, отрядную (барачную) организацию, подчинение посредством группового воздействия, возможность уничтожения человека, репрессивность, насилие, сверхпродолжительный и часто неоплачиваемый рабочий день.

«ГУЛАГ – это не просто даже тюрьма, а для меня это общее понятие, которое начинается с недобросовестного задержания, с необъективного следствия, с выдуманного обвинения, с несправедливости, с закатывания туда. Это растаптывание тебя этой юридической машиной, то есть эта вот безысходность, безнадежность.

<...> То есть не просто, что ты попал в тюрьму и прошел через это, а как ты туда попал. Вся эта общая “мясорубка” в целом» (муж., 35 л., Москва).

«Если он [начальник, сотрудник колонии – прим. авторов] хочет воспользоваться каким-то рычагом, чтобы уничтожить человека, он это применит» (муж., 24 г., Москва).

«Много пересечений с ГУЛАГом, потому что вот эта работа, когда там девочки и по 14, и по 16 часов шьют» (жен., 52 г., Москва).

Важным является размышление бывшего заключенного, прошедшего большую часть жизни в исправительных колониях, о манипулятивной сущности лагерной (отрядной) организации мест заключения:

«Сам этот лагерный уклад, эта масса, скопление, эта система массового проживания барачного типа <...> – они, конечно, ущербны, они исключительно манипулятивны, потому что толпой проще управлять. Пришел человек в отряд, где 100 человек, и, конечно, он вливается, он будет делать то, что делают эти 100 человек. В большей степени вероятности, что он будет. Он может быть бунтарем, коих мало, бывает, конечно. Но они не делают погоды, их изолируют. Легко управлять массой там, где нет личности. Для системы нет личности, индивидуальности, подхода индивидуального к исправлению его, если он преступник, если он нарушил, надо же что-то делать. Одно дело – поместить его среди таких же, как он, и тупо использовать его как рабсилу на производстве при

пошиве полицейской формы или формы МЧС, – это одно. А сторона-то внутренняя сущности человеческой – она никому не интересна и не нужна, потому что требует больших сил. Это можно все изменить. Я считаю, можно изменить этот подход. Но я не думаю, что это будет, власти не выгодно менять это. А надо просто построить тюрьмы (и все) по образцу европейскому. Просто тюремную систему, чтобы у тебя было хотя бы, хотя бы... С чего начинается свобода? С пространства с личного. <...> Камера – это твое пространство личное. <...> ГУЛАГ он и есть. Вот в этом. Вот, лагерная система – это ГУЛАГ, сама лагерная система. Массой управлять легче» (муж., 52 г., Москва).

Респонденты, принявшие участие в опросе, отбывали наказание начиная с 1980-х гг., и в нарративах часто встречались сравнения разных временных периодов: иногда заключенные говорили об улучшении условий содержания заключенных, начавшемся в 2010-е гг., в частности, это касалось питания и уменьшения перенаселенности камер СИЗО. Тем не менее сходство с ГУЛАГом можно встретить в высказываниях обо всех последних десятилетиях, включая недавний опыт отбывания наказания. Эти нарративы показывают связь ГУЛАГа и современности, которая выражена как в материальном наследии ГУЛАГа (тюремные здания, бараки в колониях, промзоны, пространственная организация колоний, географическая удаленность некоторых из них (см.: [Pallot 2015]), так и в действиях сотрудников СИЗО и колоний по отношению к заключенным.

Описывая сущность действующей системы наказаний, бывшие заключенные использовали те же метафоры («мясорубки», «большой машины», «бритвы»), что и авторы литературных и графических произведений о ГУЛАГе:

«Любого, кто более-менее высовывается, его тут же состригают, отстригают ему голову, и это видит масса. И масса, возвращаясь оттуда, уже больше никогда головы подымать не будет» (муж., 51 г., Москва).

Этот образ «состригания голов» сходен с образом власти как «огромной бритвы, бреющей город» в одном из гулаговских рисунков Бориса Свешникова (см. об этом: [Эткинд 2016, с. 123]). Лейтмотив «разрушения» человека и человеческого в российских СИЗО и колониях, используемый нашими собеседниками, близок к тому, о чем говорили и писали заключенные ГУЛАГа.

Заключение

Настоящая статья сфокусирована на высказываниях бывших заключенных об исправлении в учреждениях ФСИН. Наши собеседники сходятся в своих утверждениях о невозможности исправления в тюрьме и представляют действующие практики наказания, используя лейтмотивы «рабство», «превращение в роботов», «разрушение человека», «карательность». В редких случаях бывшие заключенные говорят об обретении веры в Бога и прекращении потребления наркотиков (в женских колониях, где наркотики в большинстве случаев недоступны).

Бывшие заключенные используют в своих высказываниях идею «человеческого отношения», необходимого для изменения человека, но отсутствующего в российских колониях. Неоднократно наши собеседники говорили, что то, что они наблюдали в российских СИЗО и колониях со стороны руководства и сотрудников, преступно и не способствует исправлению. Они рассказывали не только о пытках, избиениях и убийствах заключенных в колониях их сотрудниками и «активистами», но и о потенциальной возможности уничтожения любого человека.

Нарративы бывших заключенных соответствуют идее, что тюрьма не может изменить жизнь человека к лучшему – для этого необходимы значимые и содержательные отношения вне тюрьмы. Вместе с тем высказывания бывших заключенных не предполагают отказа от реабилитационных мер в период заключения, предоставления возможностей обучения, образования, созидательного оплачиваемого труда, чтения, занятий музыкой, которые могут уменьшить вред, наносимый тюрьмой.

В то же время официальный дискурс исправления означает необходимость для уголовно-исполнительной системы отчитываться об исправлении осужденных, что осуществляется представлением данных о доле заключенных, прошедших профессиональное обучение. Кроме того, этот дискурс является частью манипулирования заключенными возможностью условно-досрочного освобождения, обязательным условием которого является «исправление», определяемое администрацией учреждения ФСИН.

Л. Пьячентини и Е. Кац обращают внимание, что риторика прав человека, которую использовала ФСИН после вступления России в Совет Европы в 1996 г., маскирует внутренние механизмы культуры наказаний в стране, по-прежнему представляющей собой сильное карательное государство [Piacentini, Katz 2017]. На наш взгляд, дискурс исправления не только способствует сокрытию происходящего в колониях и СИЗО, но и легитимирует широкое использование практики лишения свободы.

Основаниями для отказа от дискурса исправления являются и данные о значительном числе повторно осужденных, и опыт бывших заключенных. Альтернативой может стать дискурс снижения вреда от лишения свободы, согласно которому тюрьма в подавляющем большинстве случаев вредна, поэтому одной из задач системы исполнения наказаний, государства и общества является минимизация ущерба, наносимого заключением в нее.

Список источников

- Анттила И. (2012) Контроль без репрессивности? // От «страны тюрем» к обществу с ограниченными причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики. С. 97–111.
- Гишинский Я.И. (2002) Криминология. СПб.: Питер.
- Гинзбург Е.С. (1990) Крутой маршрут. М.: Советский писатель.
- Горький М., Авербах Л., Фирин С. (ред.) (1934) Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг. М.: ОГИЗ.
- Губский М., Давыдов Е. (1902) Тюрьма // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 67. СПб. С. 352–364.
- Добренко Е. (2001) Надзирать – наказывать – надзирать: Соцреализм как прибавочный продукт насилия // *Revue des études slaves*, tome 73, fascicule 4. La littérature soviétique aujourd'hui. С. 667–712.

- Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2010–2012 годы (2010) // Федеральная служба исполнения наказаний // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202010-2012/2010-2012.pdf>, дата обращения 15.05.2022.
- Доклад о результатах и основных направлениях деятельности (2014) // Федеральная служба исполнения наказаний // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202013-2014.pdf>, дата обращения 15.05.2022.
- Доклад о результатах и основных направлениях деятельности (2015) // Федеральная служба исполнения наказаний // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf>, дата обращения 15.05.2022.
- Екатерина II (1767) Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. М.: Сенат // <https://www.prlib.ru/item/428545>, дата обращения 15.05.2022.
- Ибарра П., Китсьюз Дж. (2007) Дискурс выдвигания утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Казанский университет. С. 55–114.
- Керсновская Е. (2019) Сколько стоит человек. М.: Колибри.
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984) // ООН. 10 декабря 1984 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml, дата обращения 15.05.2022.
- Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (2021) // Правительство России. 29 апреля 2021 // <http://government.ru/docs/all/134278/>, дата обращения 15.05.2022.
- Лаппи-Сеппала Т. (2012) Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики. С. 13–48.
- Маркс К. (1961) Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат. С. 9–32.
- Новое уголовное уложение 1903 года (1903). СПб.: Кн. маг. В.П. Анисимова.
- Омельченко Е. (ред.) (2012) До и после тюрьмы: женские истории. СПб.: Алетейя.
- «Перековка»: от редакции (1930) // Перековка. № 1. 22 октября 1930.
- РКП(б) (1959). Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: Протоколы. М.: Госполитиздат.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) (2008) Общественная роль социологии. М.: Вариант; ЦСПГИ.
- Солженицын А. (1991) Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М.: ИНКОМ НВ.
- Статистические данные (2022) // Федеральная служба исполнения наказаний // <https://fsin.gov.ru/statistics/>, дата обращения 15.05.2022.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (1845). СПб.: Типография Второго отделения собств. е. и. в. канцелярии.
- Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» (2018) // Правительство России. 6 апреля 2018 // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102164547&backlink=1&nd=102467195>, дата обращения 15.05.2022.
- Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem.
- Шаламов В. (1989) Письмо старому другу // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.: Книга. С. 516–525.
- Шаламов В. (2009) Колымские рассказы. СПб.: Азбука-классика.
- Щербакова Е.М. (2020) Преступность в России, 2019 // Демоскоп Weekly. № 857–858 // <http://demoscope.ru/weekly/2020/0857/barom01.php>, дата обращения 15.05.2022.
- Эпплбаум Э. (2006) ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований.
- Эткинд А. (2016) Кривое горе. Память о непогребенных. М.: НЛЮ.
- Garland D. (2001) The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society, Oxford: Oxford University Press.
- Mathiesen T. (1974) The Politics of Abolition, London: Martin Robertson.

- Pallot J. (2015) The Topography of Incarceration: The Spatial Continuity of Penalty and the Legacy of the Gulag in Twentieth- and Twenty-First-Century Russia // *Laboratorium*, vol. 7, no 1, pp. 26–50 // <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/440/1275>, дата обращения 15.05.2022.
- Piacentini L., Katz E. (2017) Carceral Framing of Human Rights in Russian Prisons // *Punishment & Society*, vol. 19, no 2, pp. 221–239. DOI: 10.1177/1462474516665609
- Piacentini L., Slade G. (2015) Architecture and Attachment: Carceral Collectivism and the Problem of Prison Reform in Russia and Georgia // *Theoretical Criminology*, vol. 19, no 2, pp. 179–197. DOI: 10.1177/1362480615571791
- Rolston S. (2011) Conversion and the Story of the American Prison // *Critical Survey*, vol. 23, no 3, pp. 103–118. DOI: 10.3167/CS.2011.230308
- The World Prison Brief: Highest to Lowest – Prison Population Rate (2022) // ICPR // https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All, дата обращения 15.05.2022.
- The World Prison Brief: Russian Federation (2022) // ICPR // <https://www.prisonstudies.org/country/russian-federation>, дата обращения 15.05.2022.

“This System Only Breeds Future Prisoners”: The Problematization of Correctional Discourse by Former Prisoners

A.N. KRAVTSOVA*, I.V. LISOVSKAYA**, I.G. YASAVEEV***

***Alena N. Kravtsova** – Junior Researcher, Centre for Youth Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation, akravtcova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

****Irina V. Lisovskaya** – PhD in Sociology, Junior Researcher, Centre for Youth Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation, ilisovskaya.hse@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

*****Iskender G. Yasaveev** – DSc in Sociology, Senior Researcher, Centre for Youth Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation, yasaveyev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8370-0093>

Citation: Kravtsova A.N., Lisovskaya I.V., Yasaveev I.G. (2022) “This System Only Breeds Future Prisoners”: The Problematization of Correctional Discourse by Former Prisoners. *Mir Rossii*, vol. 31, no 45, pp. 79–99 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-79-99

Abstract

Russia has a relatively high imprisonment rate due to its repressive penal policy. About two-thirds of the prisoners in Russian correctional colonies have been sentenced to imprisonment for the second time or more, even though the main declared goal of the criminal legislation and the punishment system is the correction of convicts. Most Russian penitentiary institutions are called correctional. The article analyzes statements of former prisoners about the possibility of “correction”

This paper presents findings from the project, “In the Gulag’s Shadow: Producing, Consuming and Conceiving Prisons in the Former Soviet Union”, funded by the Economic and Social Research Council (UK), grant reference: ES/R005192/1. Support from the Economic and Social Research Council (UK) is gratefully acknowledged. Lead institution: The University of Strathclyde, Glasgow, Scotland. Principal Investigator, Dr Laura Piacentini, Professor of Criminology, the School of Social Work and Social Policy, the University of Strathclyde, Glasgow, Scotland. In Russia, the study was conducted by the Center for Youth Studies of HSE University, St. Petersburg, under the leadership of Prof. Elena Omelchenko.

The article was received in March 2021.

in prison conditions. The focus is on the motifs, metaphors, and arguments concerning the impact of incarceration. The statements of former prisoners contradict the official correctional discourse. They talk about practices in penal colonies, using the motifs of “destroying a human being”, “slavery”, “turning us into robots”, and “retribution”. Another motif is the “human attitude” which is necessary for the change of prisoners’ lives, but which is absent in prisons. Prisoners report beatings, torture, murders, and blackmail, and point out that these actions in pre-trial detention centers and correctional institutions’ administrations are criminal and do not promote correction. The metaphors used by our informants concerning the punishment system (e.g., “meat grinder”, “razor”, “big machine”) are similar to the metaphors of former GULAG prisoners. The former prisoners’ statements suggest that in most cases, prison is not capable of making a difference to human lives and point to the need to move away from the discourse of correction.

Keywords: *penal policy, penal system, prison, discourse of correction, narratives of former prisoners, Federal Penitentiary Service of Russia, GULAG*

References

- Anttila I. (2012) Control without Repression? *From the “Land of Incarcerations” towards the Society with a Minimal Use of Pain: Finnish Experience of Reducing the Prison Population*, Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, pp. 97–111 (in Russian).
- Applebaum A. (2006) *GULAG. A History*, Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy (in Russian).
- Conception for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030 (2021). *The Russian Government*, April 29, 2021. Available at: <http://government.ru/docs/all/134278/>, accessed 11.06.2021 (in Russian).
- Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1984). *United Nations*, December 10, 1984. Available at: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cat.aspx>, accessed 23.04.2021 (in Russian).
- Dobrenko E. (2001) Discipline – Punish – Discipline: Socialist Realism as a Surplus Product of Violence. *Revue des études slaves*, tome 73, fascicule 4. La littérature soviétique aujourd’hui, pp. 667–712 (in Russian).
- Ekaterina II (1767) *Instruction of Catherine the Great*, Moscow: Senate. Available at: <https://www.prlib.ru/item/428545>, accessed 05.10.2020 (in Russian).
- Etkind A. (2016) *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied*, Moscow: New Literary Observer (in Russian).
- Federal Program “Development of the Penal System (2018–2026)” (2018). *The Russian Government*, April 6, 2018. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102164547&backlink=1&nd=102467195>, accessed 03.02.2021 (in Russian).
- Foucault M. (1999) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*, Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Garland D. (2001) *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Gilinski Yu.I. (2002) *Criminology*, Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Ginzburg E.S. (1990) *Journey into the Whirlwind*, Moscow: Sovetskiy pisatel’ (in Russian).
- Gor’ky M., Averbakh L., Firin S. (eds.) (1934) *The History of the Construction of the Stalin Belomor-Baltic Canal, 1931–1934*, Moscow: OGIZ (in Russian).
- Gubskiy M., Davydov E. (1902) Prison. *The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. 67, Saint Petersburg, pp. 352–364 (in Russian).

- Ibarra P.R., Kitsuse J.I. (2007) The Claims-Making Discourse and Vernacular Resources. *Social Problems: a Constructionist Reading* (ed. Yasaveev I.), Kazan: Kazanskij universitet, pp. 55–114 (in Russian).
- Kernovskaya E. (2019) *How Much Is a Person Worth*, Moscow: Kolibri (in Russian).
- Lappi-Seppala T. (2012) Controlling Prisoner Rates: Experiences from Finland. *From the “Land of Incarcerations” towards the Society with a Minimal Use of Pain: Finnish Experience of Reducing the Prison Population*, Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, pp. 13–48 (in Russian).
- Marx K. (1961) The Critique of the Gotha Programme. *Marx K., Engels F. Works*. Vol. 19, Moscow: Gospolitizdat, pp. 9–32 (in Russian).
- Mathiesen T. (1974) *The Politics of Abolition*, London: Martin Robertson.
- New Criminal Code of 1903* (1903), Saint Petersburg: V.P. Anisimov Bookstore (in Russian).
- Omel’chenko E. (ed.) (2012) *Before and after Prison: Women’s Stories*, Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Pallot J. (2015) The Topography of Incarceration: The Spatial Continuity of Penalty and the Legacy of the Gulag in Twentieth- and Twenty-First-Century Russia. *Laboratorium*, vol. 7, no 1, pp. 26–50. Available at: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/440/1275>, accessed 15.05.2022.
- “Perekovka”: editorial (1930). *Perekovka*, no 1, October, 22 1930.
- Piacentini L., Katz E. (2017) Carceral Framing of Human Rights in Russian Prisons. *Punishment & Society*, vol. 19, no 2, pp. 221–239. DOI: 10.1177/1462474516665609
- Piacentini L., Slade G. (2015) Architecture and Attachment: Carceral Collectivism and the Problem of Prison Reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, vol. 19, no 2, pp. 179–197. DOI: 10.1177/1362480615571791
- Report on the Results and Main Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia on 2010–2012 (2010). *The Federal Penitentiary Service of Russia*. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202010-2012/2010-2012.pdf>, accessed 22.04.2021 (in Russian).
- Report on the Results and Main Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia (2014). *The Federal Penitentiary Service of Russia*. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202013-2014.pdf>, accessed 03.02.2021 (in Russian).
- Report on the Results and Main Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia (2015). *The Federal Penitentiary Service of Russia*. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf>, accessed 03.02.2021 (in Russian).
- RKP(b)* (1959). The 8th Congress of the Russian Communist Party (b). March 1919: Protocols, Moscow: Gospolitizdat (in Russian).
- Rolston S. (2011) Conversion and the Story of the American Prison. *Critical Survey*, vol. 23, no 3, pp. 103–118. DOI: 10.3167/CS.2011.230308
- Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (eds.) (2008) *The Public Role of Sociology*, Moscow: Variant; CSPGS (in Russian).
- Shalamov V. (1989) A Letter to an Old Friend. *The Price of Metaphor or the Crime and Punishment of Sinyavsky and Daniel*, Moscow: Kniga, pp. 516–525 (in Russian).
- Shalamov V. (2009) *Kolyma Tales*, Saint Petersburg: Azbuka–Klassika (in Russian).
- Shcherbakova E.M. (2020) Crime in Russia, 2019. *Demoskop Weekly*, no 857–858. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0857/barom01.php>, accessed 03.02.2021 (in Russian).
- Solzhenitsyn A. (1991) *The Gulag Archipelago*. Vol. 2, Moscow: INKOM NV (in Russian).
- Statistical Data (2022). *The Federal Penitentiary Service of Russia*. Available at: <https://fsin.gov.ru/statistics/>, accessed 14.03.2022 (in Russian).
- The Code of Correctional and Criminal Penalties of 1845* (1845), Saint Petersburg (in Russian).
- The World Prison Brief: Highest to Lowest – Prison Population Rate (2022). *ICPR*. Available at: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All, accessed 15.05.2022.
- The World Prison Brief: Russian Federation (2022). *ICPR*. Available at: <https://www.prisonstudies.org/country/russian-federation>, accessed 15.05.2022.